

УДК 94(47).083

DOI: 10.30914/2227-6874-2018-11-240-245

**По ту сторону кафедры
(Заметки вузовского преподавателя о студентах и образовании)**

В. Д. Соловей

В современном информационном мире вопросы университетологии обсуждаются не только на страницах научных изданий, но и в универсальном образовательном пространстве – сети Интернет. Будни универсантов XXI века, студентов и профессоров, невозможно представить без их почти ежедневного присутствия в социальных сетях и поисковых ресурсах. Университетский дискурс последнего десятилетия обогатился неологизмами – пост, коммент, аккаунт, френды, лонгриды, тачскрин. Накал дискуссий в комментариях к постам в социальных сетях порой равнозначен дискуссиям на «круглых столах» и симпозиумах. Новая рубрика нашего журнала посвящена текстам по проблематике издания, которые редакторы «обнаружили» на страницах своих «френдов» в социальных сетях. Представляем читателям несколько заметок из ленты Фейсбука.

Для цитирования: *Соловей В. Д.* По ту сторону кафедры (Заметки вузовского преподавателя о студентах и образовании) // *Запад – Восток*. 2018. № 11. С. 240–245. DOI: 10.30914/2227-6874-2018-11-240-245

Это ни в коем случае не исследование, а заметки для себя и любопытствующих. Вместе с тем, личный опыт преподавания в вузах дает возможность сделать некоторые, весьма умеренные, обобщения и проследить динамику.

Первое наблюдение. Доля умников и дураков среди студентов, в общем, не меняется, а более-менее воспроизводится с каждым новым набором. Вероятно, это генетически детерминированная закономерность. Но вот что меняется, причем заметно, так это историко-культурная эрудиция. Подавляющее большинство студентов потрясающе невежественно. Причем я бы не стал винить в этом исключительно школу – к ней у меня иные (и весьма серьезные) претензии, – но сей грех я все же не решусь ей вменить. На мой взгляд,

нарастающее невежество новых поколений суть следствие заката гуттенберговской эпохи.

Проще говоря, молодые люди не имеют вкуса и привычки к чтению, прежде всего, систематическому чтению толстых и серьезных книг. Большой нарратив не исчезает как вид, но превращается в удел избранных. Для подавляющего большинства молодежи характерно преимущественное (или почти исключительное) потребление информации из Интернета и социальных сетей и через мобильные гаджеты, что кардинально ограничивает возможности чтения.

Поясню на примере. Сейчас лонгридом считается текст в четыре-пять тысяч знаков. В бытность моей работы в газете полтора-два десятка лет тому, лонгрид начинался от 10–12 тыс знаков. А нынешний лонгрид претендовал бы на заметку. В общем, шансы текста, не вмещающегося в одну прокрутку «мышки» (один тачскрин), быть прочитанным стремительно уменьшаются.

В свою очередь, сокращение чтения больших и непростых текстов резко уменьшает способность к интеллектуальной концентрации и думанию как систематическому организованному процессу.

Проводившиеся на Западе исследования чтения с разных носителей – традиционных книжных и электронных, включая электронные книги, – отмечают качественные различия в восприятии и усвоении информации¹. Эти различия (возможно здесь нужны дополнительные исследования) ведут к формированию различного типа нейронных связей. В любом случае, как следует из исследований: 1) чтение электронных книжек неспособно заменить чтение бумажных; 2) именно чтение бумажных книг формирует тот тип восприятия и усвоения информации, которые необходимы людям, профессионально занимающимся интеллектуальной деятельностью.

Меня лично гибель гуттенберговской галактики удручает. Точно так же античного римлянина удручало победоносное шествие варваров. Однако и тогда, и сейчас это было неизбежно. Приходит (в лице молодых поколений уже пришла) новая культурно-историческая эпоха, и с этим ничего не поделаешь. Ее невозможно остановить, можно лишь научиться жить в ней. Ну и конечно, попытаться сохранить очаги учености и культуры предшествующей эпохи. Когда-то роль подобных хранилищ сыграли монастыри, сейчас эта функция перешла к университетам.

Вероятно, в системе высшего образования наиболее явно и очевидно проявится новая сегрегация – деление на тех, кто способен к систематическому организованному мышлению, длительным целенаправленным интеллектуальным усилиям, и тех, чье мышление характеризуется оперативностью

¹ См.: <https://www.businessinsider.com/students-learning-education-print-textbooks-screens-study-2017-10?fbclid=IwAR2jBvuL0Jp77UeHI8XkR3InhdqxBUtELTJmnLS9GG4PX4FDOy5Z2qqXFjw;>
<https://www.scientificamerican.com/article/reading-paper-screens/?fbclid=IwAR1Vz3b909v0uRr-z7CfE UfWumdeV2Pw5ncgi2ajla6eiCmJt7y0mfSNDZM>

и гибкостью, но при этом поверхностностью и бессодержательностью. «Фельетонная эпоха», которую Герман Гессе описывал в своей «Игре в бисер», наступила окончательно и бесповоротно.

Университеты и институты станут (и уже становятся) инструментом сегрегации: выделится элитарное и массовое высшее образование. Если на протяжении XX в. вузы были местом и инструментом борьбы с сегрегацией, то их новая социальная роль окажется прямо противоположной.

Впрочем, сегрегация по интеллекту и культуре не будет иметь столь драматических последствий, как классическая социальная. Более того, она, возможно, окажется даже незамеченной большинством. В целом, люди могут быть вполне удовлетворенными таким положением дел, если их материальные потребности будут реализованы. Ведь глупый и малокультурный человек, находясь среди подобных себе, не может от этого страдать.

Это звучит как антиутопия, но, в действительности, человеческая история никогда не развивалась только по восходящей. На смену периодам подъема и прогресса приходили длительные периоды упадка и деградации. Парадоксальность современной ситуации в том, что, оказывается, технологический прогресс и рост благосостояния могут сопровождаться культурным и интеллектуальным упадком.

Второе наблюдение. Общим местом стали сетования на ЕГЭ как нечто демоническое и чуть ли не первопричину разрушения «прекрасного советского образования». Нисколько их не разделяю. ЕГЭ не более чем инструмент, (не)эффективность использования которого зависит исключительно от того, в чьих руках он находится и как используется. Так, самолет можно использовать для перевозки людей и грузов, а можно для бомбардировок. Но сам самолет как инструмент ни в чем не виноват.

Идея сквозного (школа/вуз) экзамена абсолютно правильная. Уже хотя бы потому, что в целом значительно снижает уровень стресса для детей и их родителей. Также ЕГЭ, по моим наблюдениям, существенно увеличил географическую мобильность. В лучших вузах Москвы стало заметно больше способной и высокомотивированной молодежи из провинции. По общему лоску они уступают «столичным штучкам», но по настойчивости и желанию учиться явно опережают москвичей. Точь-в-точь по Стендалю: «В Париже встречаются люди хорошо одетые, в провинции – люди с характером». И увеличение доли «людей с характером» явная заслуга ЕГЭ.

Именно поэтому я считаю порочной идею сокращения числа вузов, куда можно направлять документы, с пяти до одного. Это фактически введение крепостного права для абитуриентов.

Главная моя претензия к ЕГЭ отнюдь не в его тестовом характере. Конкретное наполнение экзамена легко варьируется, да и тесты бывают разные. Беда в том, что ЕГЭ-«термометр» не всегда правильно замеряет «температуру», то бишь знания школьников. В Москве, Петербурге и ряде крупных городов

процедура его проведения напоминает облавы зондеркоманд. В небольших городах дело обстоит несравненно вольготнее, а в некоторых (не во всех!) национальных регионах все вообще проходит «по-братски». Отсюда и пресловутые «стобалльные сверхзнания» по некоторым предметам в ряде территорий России, и анекдотические истории при проверке знаний первокурсников, поступавших в московские вузы с высоченными оценками по ЕГЭ.

То есть экзамен, который должен обеспечить единую шкалу оценивания и гарантировать доступ наилучших в лучшие вузы, в действительности нередко оказывается инструментом «позитивной дискриминации» для, мягко говоря, не лучших. Однако виноват ли термометр в том, что на него дышат, пытаясь нагнать температуру? Наверное, дело все же в людях, поступающих таким образом.

Вот как с обеспечением чистоты единого экзамена, по рассказам британских коллег, дело обстоит в Великобритании. Мало того, что студент, чьи высокие школьные оценки не подтверждены вузом, незамедлительно его покинет. Организация, которая проводила столь сомнительное испытание, будет лишена аккредитации. В Британии этим занимается не государство, а частные организации, которые в случае нарушений разорятся или потеряют изрядные деньги, а их сотрудники – работу.

Можно, конечно, дискутировать о том, кому лучше доверять функцию организации и проверки ЕГЭ – государству или частному бизнесу. Но абсолютно неприемлема ситуация, когда родители лишены возможности хоть каким-то образом влиять на образование.

Стоит помнить, что образование существует исключительно на наши налоги! Родителям постоянно приходится раскошелиться на пресловутые школьные нужды. И при этом позиция всех, всех без исключения государственных инстанций следующая: уймитесь, мы лучше вас знаем, что и как надо. Ни родители, ни учителя, ни вузовские преподаватели не имеют возможности ни в малейшей степени повлиять на процесс обучения и его организацию.

Третье наблюдение. Сплошь и рядом приходится слышать, что, мол, школа отказалась от систематического образования ради натаскивания на ЕГЭ. Нет ничего более далекого от истины. Современная российская школа вообще не дает систематического образования, и именно поэтому она не способна подготовить к ЕГЭ. Школы лишь много и упорно говорят о необходимости подготовки к ЕГЭ, но честь этой подготовки любезно уступают самим ученикам и их родителям, курсам и репетиторам. В рамках самой школы подготовиться к ЕГЭ невозможно.

Здесь мне, конечно, возразят, приведя в пример ту или иную замечательную школу. Я и сам знаю таковые. Но пишу не об исключениях, а о статистических закономерностях. А одна из главных таких закономерностей, на мой взгляд, в том, что российская школа перестала быть институтом систематического

образования. Она превратилась в учреждение для несения учебной повинности населением Российской Федерации в возрасте от 7 до 17 лет.

Традиция систематического образования еще кое-как сохраняется в начальной школе. Но и то от родителей требуют, чтобы их дети приходили в школу, зная начала русской грамоты и арифметики. Причем учиться в начальной школе самостоятельно, без постоянной помощи родителей (особенно для изготовления поделок и так называемых «проектов»), дети обычно не в состоянии.

А после окончания «началки» дети и их родители оказываются в ситуации, когда школа делает вид, что учит, а дети делают вид, что учатся. Если вас такое положение вещей не устраивает, занимайтесь с детьми сами или обращайтесь к репетиторам. Чаще всего оными оказываются те же самые учителя. Но! Даже в этом случае они обычно имитируют преподавание, а на самом деле им платят за то, чтобы они оставили детей в покое и ставили им приемлемые оценки. Значительная часть учителей, впрочем, не способна чему-либо научить, даже если бы искренне того желала¹.

За два года до окончания из школ раздается трубный глас: пора готовиться к ЕГЭ! А значит, искать репетиторов и курсы. Еще раз повторю: школа к ЕГЭ не готовит и даже не натаскивает на него, ибо органически к этому не способна. Учебный процесс переместился за рамки школы. Ее функции взяли на себя родители, курсы и репетиторы, что более чем устраивает школу и учителей. Но ежели у родителей нет денег, то шансы подготовиться к ЕГЭ настолько, чтобы поступить в приличный вуз, хотя и не исчезают полностью, но резко уменьшаются.

Допускаю, что в какой-то (лишь в какой-то!) степени компенсировать провал школы способна новая система внеклассного/дополнительного образования «Кванториум». По крайней мере, я слышал о ней хорошие отзывы: мол, действительно обеспечивает настоящую специализацию и практическую ориентированность. Однако даже в случае ее повсеместного распространения она способна лишь отчасти компенсировать провал систематического школьного образования.

Я много и постоянно общаюсь со студентами разных вузов. Любви или хотя бы симпатии в адрес школы никто из них не выказывал. Лучшие школы, судя по их рассказам, – это те, в которых на учеников просто не обращают внимания.

А что университет? Посмотрите в Закон об образовании и узрите, что мы не учим, не воспитываем, а «оказываем образовательные услуги». Причем имеем дело уже, извините за цинизм, с «полуфабрикатами», чью природу вузовское обучение изменить не в состоянии.

¹ См.: Половина учителей математики не прошли проверку на знание своего предмета // Сайт РБК (Режим доступа: <https://www.rbc.ru/society/12/11/2018/5be98ada9a79472a6df8f9cb>).

У меня лично нет сомнений, что ситуация будет только ухудшаться. Деградация зашла далеко и носит системный характер. Но точно также я твердо знаю, что этот процесс можно остановить и превратить школу в место, куда будут идти если не с охотой, то хотя бы без ненависти. Что для этого надо? Базовый, исходный пункт один – желание и намерение государственной власти. Но даже если и когда государство захочет изменить свою политику, то – надо смотреть на вещи трезво – для возвращения школы (шире – образования) как института к социальной, культурной и нравственной норме потребуется не меньше 10–15 лет.

Статья поступила в редакцию 25.11.2018 г.; принята к публикации 25.12.2018 г.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Об авторе

Соловей Валерий Дмитриевич

доктор исторических наук, профессор, МГИМО, г. Москва, valery.solovei@gmail.com

On the other side of the chair (University teacher's notes about students and education)

V. D. Solovey

In the modern media world, the issues of university studies are discussed not only on the pages of scientific publications, but also in the universal educational space – on the Web. Everyday life of XXI century University students and professors is impossible to imagine without their almost daily presence on social networks and search services. The University discourse of the last decade has been enriched by neologisms – “post”, “komment”, “akkaunt”, “frendy”, “longridy”, “tachskrin”. The intensity of discussions in comments to posts on social networks is sometimes equivalent to discussions at round tables and symposia. A new column of our journal is devoted to the texts on the issues of the publication, which the editors “discovered” on the pages of their “frendov” on social networks. We present to readers a few notes from the Facebook feed.

Citation for an article: *Solovey V. D.* On the other side of the chair (University teacher's notes about students and education). *West – East*. 2018, no. 11, pp. 240–245. DOI: 10.30914/2227-6874-2018-11-240-245

About the author

Valery D. Solovey

Dr. Sci. (History), Full Professor, MGIMO (University), Moscow, valery.solovei@gmail.com

Submitted 20.09.2018; revised 20.10.2018.

The author has read and approved the final manuscript.